ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2025. Том 18. Выпуск 1 | 2025. Volume 18. Issue 1
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Феномен Ordensstaat: взаимодействие духовной и политической сфер

Сулимов С. И., Черниговских И. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности развития общества, в жизни которого господствуют (или объявлены господствующими) духовные цели, а остальные сферы общественной жизни считаются подчиненными этим целям. В статье в качестве примера рассмотрена деятельность католических монашеских общин по мере их исторического развития и интеграции в общественную жизнь. Научная новизна состоит в выявлении процесса постепенной секуляризации монашеских орденов по мере их успехов в политической деятельности. В результате исследования установлено, что корпорация, стремящаяся к достижению исключительно духовных целей, неизбежно переходит к участию в политике, а со временем политические цели начинают главенствовать над духовными, что неизбежно приводит к секуляризации.

EN

The phenomenon of the Ordensstaat: Interaction of the spiritual and political spheres

S. I. Sulimov, I. V. Chernigovskikh

Abstract. The aim of this study is to identify the characteristics of the development of a society in which spiritual goals dominate (or are declared to be dominant), and other spheres of social life are considered subordinate to these goals. The article examines the activities of Catholic monastic communities as an example, tracing their historical development and integration into social life. The scientific novelty lies in identifying the process of gradual secularization of monastic orders as they achieve success in political activities. The research concludes that a corporation striving to achieve exclusively spiritual goals inevitably transitions to participation in politics, and over time, political goals begin to prevail over spiritual ones, inevitably leading to secularization.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что политическая и духовная сферы жизни общества традиционно считаются противостоящими друг другу. Может даже возникнуть мнение, будто чем больше тот или иной человек или организация увлечены политикой, тем меньше в их жизни остаётся места для духовности и наоборот. К примеру, британский философ Г. К. Честертон характеризует профессиональных политиков любой эпохи такой красноречивой фразой: «Глубоко практичные, отнюдь не поэтичные люди любили полагаться на страх и отвращение. Как всегда в таких случаях, им казалось, что тёмные силы своё дело сделают» (1991, с. 183). Но может ли история показать нам пример общества, благодаря своим духовным достижениям совершенно освободившегося от «тёмных сил» и устроившего свою жизнь в соответствии исключительно с потребностями духа? В данной работе мы рассмотрим такую попытку, предпринятую христианским, по преимуществу католическим, монашеством. Ведь иночество с самых первых дней своего существования претендовало именно на уход от мира, а значит, и от тех общественных отношений, которые не сообразуются с духовной доктриной христианства.

Задачи исследования:

- выявить алгоритм функционирования общности, в жизни которой доминирует духовная сфера;
- обнаружить принцип трансформации такой группы по мере нарастания её взаимодействия с другими общностями, ориентирующимися на иные идеалы.

Материалом для исследования послужила информация о средневековом христианском монашестве, представляющем собой идеальный пример общественной группы, пытающейся избежать любых контактов с миром, которые не соответствуют принципу религиозного служения. Именно западное, католическое монашество в ходе своего исторического развития в эпоху Средних веков наглядно продемонстрировало те метаморфозы, которые происходят с такой общественной группой по мере интенсификации её контактов с мирянами.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20250040

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Теоретическую базу исследования составляют идеи отечественных исследователей П. А. Флоренского (2004) и Л. П. Карсавина (2013), первый из которых выявил специфику религиозно-культовой деятельности, а второй подробно очертил изначальный круг задач средневекового монашества. Историческая же фактура рассматривается нами в работах таких отечественных исследователей, как И. Д. Беляев (2017) и П. Д. Брянцев (2018), а также западных авторов А. Демурже (2008) и А. Богдана (2008).

Методология исследования включает в себя историко-культурный метод, позволяющий выявить основные трансформации средневекового монашества в их зависимости от изменений социально-политической обстановки, а также дескриптивный метод, благодаря которому удаётся обнаружить мотивы действий того или иного представителя монашества, продиктованные нуждами момента, а не абстрактной религиозно-политической доктриной.

Практическая значимость исследования состоит в том, что проведённый нами анализ демонстрирует процесс поглощения собственно духовной сферы жизни рассматриваемой общности другими её сферами, над которыми духовная сфера в идеале должна доминировать. Результаты исследования могут быть применены в преподавании таких гуманитарных курсов, как всемирная история, культурология и социальная философия.

Обсуждение и результаты

История знает немало примеров традиционных обществ, в жизни которых доминировали экономическая и политическая сферы. Такое доминирование вполне возможно, и под его влиянием общество может функционировать по историческим меркам долго, причём формируемая господством экономики или политики траектория развития не исключает процветания. В этом нет ничего удивительного, потому что и политические, и экономические отношения касаются в первую очередь материальных предметов и зримых поступков. К примеру, преуспевающий политик требует от подвластных лиц повиновения, а не восхищения, потому что выполнение приказов проверить можно, а личные переживания подданных в большинстве случаев никак не обнаруживаются. Но каким же образом будет функционировать общество, в жизни которого доминирует духовная сфера? Ведь духовные отношения далеко не всегда поддаются стороннему наблюдению, а в материальных предметах и событиях они лишь выражаются внешним образом, причём не всегда ясно и полно. В данной работе мы рассмотрим алгоритм общественного развития при доминировании в социуме духовной сферы или, говоря точнее, при декларировании такого доминирования большинством представителей данного общества.

Прежде всего необходимо уточнить, что духовная сфера вовсе не однородна и состоит из ряда форм духовной культуры: мифа, религии, нравственности, искусства, философии и науки. Очевидно, что эти формы не всегда представлены в общественной жизни одновременно. Например, миф является исторически самой ранней формой духовной культуры и включает в себя в зачаточном виде все остальные формы. Можно говорить об автономном существовании религии или искусства только в том случае, если произошло разложение мифа, то есть там, где есть обособленные религия и искусство, целостного мифа уже нет. Точно так же наука является исторически самой поздней формой духовной культуры, и поэтому большинство традиционных обществ не были знакомы с ней в её оригинальном, автономном от философии виде. Философия также зародилась по историческим меркам поздно и поэтому не присутствовала в жизни многих традиционных обществ. Например, существование античной философии признают все, но о философии народов «чёрной» Африки в данный момент ничего неизвестно. Искусство является производным от религии, как это удачно показал отечественный исследователь П. А. Флоренский, заметивший, что в сферу искусства отходят потерявшие сакральный статус фрагменты культа (например, по канонам иконописи формируется портретная живопись): «Изящные искусства, исторически суть выпавшие из гнёзд или выскочившие звенья более серьёзного и более творческого искусства – искусства богоделания – *феургии* (здесь и далее курсив авторов. – *С. С., И. Ч.*). *Феургия*, как средоточная задача человеческой жизни, как задача полного претворения действительности смыслом и полной реализации в действительности смысла, – была во времена древнейшие точкою *опоры* всех деятельностей жизни; она была материнским лоном всех наук и всех искусств» (2004, с. 56-57). Руководствуясь этой мыслью, можно предположить, что и нравственность тоже является производной от религии. Ведь неслучайно в тех случаях, когда культ не предлагает верующим никаких правил поведения, кроме серии ритуальных табу, общественная нравственность обычно не усложняется и функционирует по принципу копирования младшими образа жизни старших. Таким образом, нам остаётся констатировать, что наиболее значительной и яркой формой духовной культуры является религия и, следовательно, при доминировании в обществе духовной сферы господствующими окажутся именно религиозные взгляды.

Однако общественная жизнь с необходимостью подразумевает решение материальных вопросов, и нередко специалисты именно по этой части – политики и торговцы – обставляют свою деятельность религиозными декорациями, как, к примеру, это делали китайские императоры. Такая практика представляет собой доминирование политической сферы в религиозном камуфляже, а никак не одухотворение политики религиозной доктриной. Нас же интересует именно подчинение всех сфер общественной жизни духовным целям, в том числе и выражающееся в готовности жертвовать материальным ради духовного, политическим ради религиозного. Такая конфигурация сфер общественной жизни может возникнуть только в обществе с развитой религиозностью. Более того, религиозная доктрина должна быть знакома с трансцендентным планом бытия, иметь о нём чёткие представления и предполагать, что служение Абсолюту пронизывает всю земную

жизнь социальной группы и индивида. Выражаясь метафорически, общество должно состоять из монахов или по меньшей мере управляться ими и ориентироваться на монашеские добродетели в своей повседневной жизни. Возможно ли такое общество? Историческая практика показывает, что возможно.

В данной работе мы рассмотрим общество, жизнь которого была полностью подчинена духовной сфере (а точнее, это искренне декларировалось), на примере созданного тевтонскими рыцарями-монахами Ordensstaat – государства, являющегося политическим воплощением монашеского ордена. Но прежде чем переходить к особенностям организации и функционирования этого общества, необходимо хотя бы кратко уточнить, что представляло собой средневековое католическое монашество и какие цели оно преследовало по самой своей сути.

Отечественный исследователь Л. П. Карсавин (2013) предположил, что признание дуализма материального и духовного миров произошло в античном обществе на рубеже н. э. Неслучайно даже вне христианства в эти годы возникали движения, требующие от свои членов ухода от материального мира если не в пространстве, то хотя бы в устремлениях. Примерами таких нехристианских движений можно считать греческие философские школы киников и стоиков или иудейскую секту ессеев. Однако лишь в христианстве уход от материального мира (а если точнее, то от политической и социальной жизни) обрёл завершенные формы, так как первые христиане отвергали земную жизнь не саму по себе, а в пользу Бога и жизни небесной. Первые монахи были отшельниками, уходившими из городов в египетские и сирийские пустыни и проводившими дни и ночи в молитве и покаянии. Одним из первых известных монахов-анахоретов считается преподобный Павел Фиваидский, живший на рубеже III-IV вв. Вот как характеризует его самого и подобных ему отшельников Л. П. Карсавин: «Павел Фивский бежал от преследования Деция в горы Фиваиды, оставив своё соседствующее с пустыней поместье. Он избрал себе жилищем пещеру, открытую сверху и загороженную от посторонних глаз скалой. Пищей Павла были финики соседней пальмы, воду брал он в бьющем из скалы источнике. Он навсегда остался в своей пустыне, превратив временное и случайное покаяние в постоянное и любимое. Его не прельстило даже торжество христианства при Константине. <…> Павел случайно приобрёл известность. Большинство же анахоретов жило и умерло в безвестности. Они селились около источника, около финиковой пальмы в пещерах или заброшенных могилах или под открытым небом в жалких шалашах. Они приносили сплетённые ими в часы досуга корзины или циновки в соседние селения и выменивали их на хлеб и соль» (2013, с. 11). Изначально каждый отшельник жил в своём скиту, будучи подвижником-одиночкой, лишь иногда близ кельи анахорета селились его ученики, каждый из которых всё равно строил хижину или выбирал пещеру так, чтобы без нужды не пересекаться с другими монахами. Будучи знакомыми между собой, анахореты всё-таки не составляли единой общины, ограничиваясь лишь редкими дружескими визитами и совместными праздничными богослужениями. Описывая организацию пустынного монашества, святитель Иоанн Златоуст характеризовал её как настоящее царство равных: «Там нет ни господина, ни раба: все рабы и все свободные. Не думай, что я говорю иносказательно. Они и рабы друг другу, и владыки друг над другом» (Антоний Великий, 2019, с. 510).

Однако громкая молва о египетской пустыне как о крае, населённом святыми людьми, привела к постоянному притоку в монашеские скиты паломников и послушников. Постепенно на пригодных для жизни участках пустыни не осталось места для одиноких анахоретов, а политический кризис вынудил монахов оказывать материальную помощь беднякам, о которых александрийские чиновники больше не могли заботиться. Так монашество незаметно стало общежительным. Тем самым идея отказа от земного мира ради жизни для Бога обрела социальное воплощение в виде монастырской организации.

Основателем первых общежительных монастырей в Египте считается преподобный Пахомий Великий (292-348). Имея опыт военной службы, святой устроил монастырь по образцу воинской части, учредив среди братии иерархию и единообразную одежду. Также общежительный монастырь поставил перед игуменом экономические проблемы, которых не знали одиночки-анахореты: многочисленную братию нужно было как-то содержать, не прибегая к помощи мирян. С этой задачей преподобный Пахомий справился, разделив братию на специализированные трудовые артели, похожие на армейские подразделения. При этом решение материальных проблем обители считалось второстепенным вопросом по сравнению с традиционной для монашества душеспасительной аскезой: «Развитие хозяйственной деятельности общежитий привело даже к некоторой дифференциации труда внутри их, и одно из житий Пахомия называет целый ряд монахов, посвятивших себя определенному роду деятельности: 7 кузнецов, 15 сапожников, 50 земледельцев и так далее. Но труд не являлся самоцелью, он рассматривался как служение Богу и должен был сопровождаться молитвами и молчанием. Принятые в число братьев после некоторого искуса и наставлений, даваемых опытными, “истинными” монахами, становились полноправными членами общежития» (Карсавин, 2013, с. 15). Слаженная работа братии привела к тому, что монастырь не только стал преуспевающей экономической единицей, но даже сформировал собственную библиотеку и тем самым подал пример другим общинам черноризцев Египта, Палестины и Сирии. Благодаря этому к V в. на всём пространстве христианского мира появились общежительные монастыри, совмещавшие духовное подвижничество с экономической деятельностью.

Следующий шаг по пути превращения монашества из духовного явления в социально-экономическую корпорацию был сделан преподобным Бенедиктом Нурсийским (480-547) в начале VI в. К этому времени Западная Римская империя пала и на территории Италии, где жил святой Бенедикт, установилось безвластие. Поэтому, основав монастыри Монте-Кассино, Субиако и Террачина, преподобный был вынужден регламентировать все стороны жизни монахов, подразумевая, что никакой упорядоченной жизни за стенами обителей нет. Устав святого Бенедикта подтверждал монашескую иерархию от игумена (аббата) до послушников, устанавливал строгие правила взаимоотношений среди братии и фактически переводил чернецов на казарменное

положение, предписывая им жизнь в общих спальнях, «тихий час», совместные хозяйственные работы и богослужения, а также душеполезное чтение. Для святого Бенедикта обитель была единым организмом, в котором каждый отдельный брат должен был играть отведённую ему роль, а духовный рост черноризцев отдавался на усмотрение их самих. Иными словами, основателю западного монашества каждый из братьев был нужен как член монастырского сообщества, а монастырь виделся именно организацией, а не содружеством анахоретов-одиночек.

Такой подход давал прочные результаты, благодаря которым даже в эпоху полного упадка светской государственности основанные преподобным Бенедиктом монастыри не только содержали, но и защищали сами себя и окрестных мирян: «Монте-Кассино стал центром окружающей местности, и не только центром религиозным. Его высокие стены были в эту бурную эпоху надёжной защитой; и за ними скрывались от меча готов или греков» (Карсавин, 2013, с. 40). Но в административном отношении такие обители подчинялись местным епископам и на политическую самостоятельность не претендовали. В силу этого обстоятельства бенедиктинское монашество хоть и распространилось во Франции, Германии, Англии и даже Ирландии, но на долгие века стало заложником королевских прихотей. Например, в Ирландии из-за слабости королевской власти Церковь превратилась в федерацию самоуправляющихся монастырей, для которых слово епископа не играло роли (Диллон, Чедвик, 2006). Во Франции же бенедиктинские обители оказались вовлечены в феодальные отношения, а должности епископов и аббатов нередко занимали представители светской аристократии, что неизбежно вело к упадку духовной жизни братии.

Важным событием стало возникновение «очистительного» движения во французском аббатстве Клюни в X в. Благодаря деятельности аббата Одона монастырь перешёл под прямое подчинение Папе Римскому, тем самым выйдя из-под власти местного епископа и избавившись от необходимости соответствовать ожиданиям феодальных сеньоров (Карсавин, 2013). Однако цель данного шага была не политической, а религиозной: аббат Одон стремился вернуться к простоте и строгости жизни раннего монашества, а не создать автономную от светских сеньоров Церковь. Последовавшее за Клюнийской реформой возникновение цистерцианского ордена подтвердило духовный характер движения: основанная святым Бернардом из Клерво (1091-1153) монашеская община избегала использовать труд крепостных и уделяла основное внимание поддержанию в своих рядах аскетизма. Для нас же важно, что, обосабливаясь от епископов, монашество преследовало исключительно духовные цели и стремилось избежать участия в политической жизни герцогств и королевств.

Именно с таким опытом – опытом самостоятельного решения экономических проблем и прямого подчинения единому церковному центру – западное монашество вошло в эпоху крестовых походов. Множество клириков самого разного звания сопровождали рыцарей в Святую землю, а после освобождения Иерусалима от власти мусульман монашеские ордена открыли свои отделения в молодых государствах крестоносцев и взяли на себя заботу о многочисленных паломниках. И в такой полувоенной обстановке неожиданно выяснилось, что прежняя монашеская система малопригодна для восточных реалий. Ведь в Европе ордена потому и стремились выйти из подчинения епископам, что справлялись со своими проблемами сами, а папский сюзеренитет им был нужен лишь номинально. В Леванте же огромное количество местных жителей исповедовало ислам и относилось к католическим черноризцам с нескрываемой враждебностью. Монахи-бенедиктинцы могли организовать миссию в Иерусалиме и принимать в своей гостинице паломников, но они не могли защитить гостей от нападений разбойников-мусульман. Точно также монахи-цистерцианцы столкнулись с тем, что сопровождаемые ими через пустыню пилигримы часто становятся жертвами грабителей-бедуинов, и евангельскими методами этот вопрос решить не получалось. Король Иерусалима и граф Триполи не смогли помочь, потому что располагали лишь очень ограниченными военными силами и предоставляли братии свободу действий именно потому, что сами имели немного возможностей. Чернецы были вынуждены организовать вооруженную охрану своих миссий и гостей самостоятельно, то есть взялись за такую отрасль политики как военное дело. Например, в начале XII в. монахи-бенедиктинцы доверили руководство и охрану их гостиницы и госпиталя в Иерусалиме светскому рыцарю, получившему за это прозвище Герард Госпитальер (Демурже, 2008). Этот благочестивый крестоносец привлёк к работе своих знакомых рыцарей-мирян, и вскоре на месте монашеской обители возникло что-то среднее между рыцарским замком и штабом небольшого, но умелого военного отряда. Так по факту образовался духовно-рыцарский орден госпитальеров, формально называвшийся орден Святого Иоанна.

Юридически монахи не могли содержать вооруженную силу. По крайней мере, в прежние века таких прецедентов не случалось. Поэтому папская курия и святой Бернард из Клерво пошли на богословско-правовое новшество: Бернард Клервосский написал трактат «Похвала святому воинству», то есть благословил ратный труд и приравнял его к труду монашескому (Демурже, 2008), а Папа Римский узаконил существование такой духовно-воинской корпорации своей буллой и придал госпитальерам тот же статус, что и аббатству Клюни, то есть освободил его от подчинения местным церковным иерархам. По этой схеме почти сразу же возникли ордена тамплиеров (рыцарей Иерусалимского Храма), лазаритов (рыцарей Святого Лазаря) и некоторые другие, из которых с первых дней своего существования выделились тевтонцы (орден Святой Марии Тевтонской). Особенность данной корпорации заключалась в том, что, невзирая на духовное единство католического мира, это подразделение формировалось преимущественно из немецких рыцарей и паломников. Изначально тевтонцы представляли собой одно из отделений госпитальеров, хотя вместо работы в госпитале Святой Марии в Иерусалиме предпочитали охранять паломников, как это делали рыцари-тамплиеры. При этом господство в ордене немецкого языка в противоположность французскому, принятому у иоаннитов и храмовников, побудило папу Иннокентия III в 1199 г. признать орден самостоятельной военно-монашеской организацией, магистр которой подчинялся лишь папской курии (Богдан, 2008).

История духовно-рыцарских орденов в Святой земле почти не представляет интереса для нашего исследования, потому что эти ордена являли собой лишь немногочисленные воинские формирования, принимавшие активное, но не определяющее участие в кампаниях местных государей. Каждый орден, кроме лазаритов, стремился получить какие-нибудь владения на Сицилии и в Западной Европе, что позволяло брать паломников под свою защиту с первого их шага на восток и рекрутировать европейских рыцарей буквально по месту их жительства. Но по факту и тамплиеры, и госпитальеры, и тевтонцы в Палестине владели лишь несколькими крепостями и представляли собой именно то, что замышлялось их основателями, – братства монахов-воинов. Поэтому, когда в XIII в. египетские султаны последовательно и неумолимо вытеснили католиков из Святой земли, потерявшие свои замки «братья» почувствовали себя в необъявленной опале. Тамплиеры имели множество филиалов почти во всех европейских странах, но ни одной областью не владели от своего имени, что позволило светским монархам довольно быстро отобрать их замки в пользу короны. Госпитальерам удалось осесть на острове Родос, откуда они веками осложняли жизнь мусульманским пиратам Восточного Средиземноморья, но серьёзного политического или духовного влияния в регионе иоанниты всё же не имели. А вот Тевтонский орден обрёл уникальный шанс – создать собственное рыцарско-монашеское государство и распоряжаться им в соответствии со своим уставом.

В 1230 г. польский князь Конрад Мазовецкий, отчаянно нуждаясь в военной помощи против набегов языческих племён Пруссии, заключил с тевтонскими рыцарями Крушевицкое соглашение, отдав им все земли в Прибалтике, которые они сумеют завоевать у язычников. Папа Григорий IX подтвердил договор «Золотой буллой», вероятно, считая тевтонцев своими подчинёнными и пытаясь их руками овладеть неосвоенным краем. Если учесть, что в Палестине владения ордена сокращались с каждым днём, то понятно, почему магистр с готовностью согласился.

Для рыцарей, имевших богатый опыт сражений против египетских мамлюков, а также строительства и осады современных им крепостей, завоевание Пруссии, Латвии и Эстонии оказалось нетрудным. Победа новгородского князя Александра Невского над ними в 1242 г. ничуть не ослабила орден, а лишь перенаправила его экспансию с Руси на Литву. Благодаря своим воинским и организационным навыкам тевтонцы быстро захватили огромные по средневековым меркам территории и, ссылаясь на Крушевицкое соглашение, отказались делить их с каким-либо светским монархом. Клюнийская реформа позволяла тевтонцам игнорировать как рижского епископа, так и его польских коллег, так как номинально они подчинялись далёкому от тех мест и проблем Папе Римскому. Таким образом, сформировалось монашеское государство, ведь орден Святой Марии Тевтонской был именно монашеским, хоть и военизированным. Иными словами, монашество как явление, созданное исключительно в силу духовных причин, незаметно превратилось в заметный политический феномен.

Рассмотрим, каким образом была организована жизнь на подчинённых воинам-монахам землях, и сравним этот порядок с теми идеями, которые лежали в основе монашества изначально. В административном отношении Тевтонский орден представлял собой централизованную иерархическую вертикаль, в которой не было места ни одиночкам-анахоретам, ни управляемым аббатами монастырям. Единоличным пожизненным главой ордена являлся великий магистр, которому в повседневных делах помогал немноголюдный Совет. Членами этого Совета считались великие командоры (*Grosskomtur*) – наместники двух провинций ордена, постоянно находившихся на осадном положении, – Пруссии и Ливонии (так называемые «боевые» провинции). Рангом ниже великих командоров стояли такие члены Совета, как маршал (заместитель магистра по военной части), эконом и казначей. Любопытно, что правление ордена включало в себя специального уполномоченного по делам милосердия (милостыне и организации странноприимных домов), который назывался «госпитальер» (*Spittler*) и находился в подчинении у эконома, то есть в Совете ордена не заседал. Нижнюю административную ступень занимали командоры (*Komtur*) – комендanты крепостей, – а также главы округов (*Landmeister*) и судьи (*Ballei*), руководившие теми территориями ордена, которые не относились к «боевым» провинциям. Законодательная власть принадлежала генеральному капитулу, который созывался по мере необходимости – выбирал магистра, утверждал или отвергал назначения на руководящие должности и в отдельных случаях осуществлял судопроизводство по отношению к высшим чиновникам ордена (Богдан, 2008). При этом важно отметить, что в управлении вверенными им крепостями командоры считались кем-то вроде губернаторов с довольно широкими полномочиями. Например, командор по фамилии фон Лебштейн, управлявший крепостью Остероде, вёл активную тайную дипломатию среди язычников-литовцев и имел немалое влияние на их князя Кейстута (Брянцев, 2018). Если бы речь шла о средневековом западном королевстве, то оно при таком устройстве почти сразу же рассыпалось бы на множество обособленных феодальных владений, управляемых аристократическими династиями. Однако благодаря монашеским обетам, которые по-прежнему давали рыцари ордена, тевтонские руководители жили в целибате и никаких династий основать не могли. Орденская иерархия строилась (или должна была строиться) по принципу меритократии, а это надолго опередило устройство служебной вертикали европейских королевств. Иногда случались прецеденты, когда ушедший в тевтонцы немецкий рыцарь приглашал в орден кого-нибудь из своих родственников и составлял ему протекцию. Например, великий магистр Ульрих фон Юнгинген (1360-1410) приходился братом своему предшественнику – великому магистру Конраду фон Юнгингену (1355-1407). Но мысль о том, что орден управлялся династией фон Юнгингенов, является неверной.

Среди братии существовала иерархия, предполагавшая деление на группы по функциональному признаку, напоминающая порядок в монастыре преподобного Пахомия Великого, подвергшийся серьёзной деформации. Элитой ордена считались «братья-рыцари», занимавшиеся тем же, чем и их светские коллеги в Европе, –

военным делом. Именно они вошли в историю как закованные в железо всадники в белых плащах с чёрными крестами. Ступенью ниже находились «братья-священники», в обязанности которых входили богослужения в храмах ордена, строительство церквей, а также администрирование и делопроизводство при должностных лицах. Таким образом, две высшие функциональные группы тевтонцев в точности повторили два привилегированных сословия, существовавшие в королевствах Западной Европы. Внесение сословного принципа в монашескую жизнь коренным образом противоречило замыслу святого Пахомия, который делил братию по профессиональному принципу, но не отрицал равенства монахов между собой. В иерархии ордена же существовали и ещё более низкие ступени: «братья-служители» (*Sariantbruder*), сражавшиеся на поле боя в качестве оруженосцев, и «сводные братья» (*Graumantler*), которые занимались земледельческим и ремесленным трудом, оставаясь при этом монахами. Для того чтобы отличать «сводных» братьев от остальных членов ордена, им предписывалось носить не белые, а серые плащи (Богдан, 2008). Получилось, что настоящие монахи занимали в духовно-рыцарском ордене самую нижнюю ступень иерархии, хотя изначально любая такая корпорация замышлялась в первую очередь как монашеская, а не воинская. Показательно, что орден имел в своём составе лишь два женских монастыря, населенных «тевтонскими сёстрами», и обе этих обители находились в Европе (в Берне и во Франкфурте-на-Майне), то есть на собственной территории ордену не были нужны инокини. Зато магистры охотно приглашали в Пруссию и Ливонию немецких переселенцев-мирян, которые строили деревни и города, распахивали пустующие земли, занимались ремеслом и торговлей, никак не соотнося свою жизнь с правилами воинов-монахов. То есть тевтонцы не осваивали захваченные у язычников территории, а лишь руководили этим освоением, не приобщая иноверцев к христианству, а физически заменяя их на переселенцев-христиан. Более того, переселившихся на земли ордена немцев-мирян крайне редко приглашали вступить в орден: воины-аскеты хотели властвовать над мирянами, а не воспитывать их.

Как видно из организационной структуры ордена, идеи, лежащие в основе монашества на протяжении его истории от египетских анахоретов до Клюнийской реформы, оказались практически полностью выхолощены из жизни тевтонской братии. Неслучайно роль монастырских настоятелей – игуменов и аббатов – в ордене играли командоры, то есть коменданты крепостей, а духовенство оказалось на втором по престижу месте после рыцарей. Разумеется, жизнь братии регулировалась строгим уставом, все тевтонцы – от великого магистра до «сводных братьев» – жили в безбрачии, соблюдали посты и посещали богослужения, но изначальная цель монашества, заключающаяся в отречении от мира ради жизни с Богом, была орденом утрачена. Точно также оказалась утрачена и цель, стоявшая перед всеми духовно-рыцарскими орденами с момента их основания: забота о паломниках и охрана их по пути в Святую землю. Миссионерская деятельность, к которой рыцарей-монахов никто не обязывал, тевтонцами велась, но результаты её оказались такими скромными, что о них неизвестно никакой конкретики. Более того, своей реальной политикой тевтонцы внушили литовским язычникам такую ненависть к католицизму, что в тех краях не смог вести проповедь даже миролюбивый монашеский орден францисканцев (Беляев, 2017).

Но каким же задачам подчинялась политика Тевтонского ордена на самом деле? Как мы отметили выше, орден представлял собой централизованное государство с пожизненным, но выборным правителем во главе. Формально следуя условиям Крушевицкого соглашения, тевтонцы вели войну с языческими племенами Прибалтики и преуспели в ней. Под прямым управлением корпорации оказались часть Бранденбурга, Пруссия, Ливония (Латвия и Эстония), цепь тевтонских крепостей клином врезалась в земли современной Белоруссии, принадлежавшей в те годы Великому княжеству Литовскому. Если орден считал своей задачей именно силовое подавление иноверцев, то эта задача решалась успешно. Другое дело, что великие магистры не забывали и о тех политических интересах, которые никак не были связаны с крестоносной миссией. В частности, орден активно участвовал в балтийской торговле и даже вступил в ганзейский торговый союз на правах рядового члена. С одной стороны, прибалтийские города, составлявшие эту ассоциацию, выиграли от партнёрства с таким мощным в военном отношении государством. В частности, великий магистр Конрад фон Юнгинген обеспечил немецким купцам защиту от пиратов Виталийского братства, а позднее даже захватил пиратские гавани на острове Готланд (1398), тем самым положив конец существованию витальеров. Но, с другой стороны, балтийские пираты всё-таки были католиками и захват Готланда стал операцией ордена, направленной против единоверцев.

Ещё больше неудобств от соседства с тевтонцами испытали поляки. В течение XIV в. орден под разными надуманными предлогами отобрал у польского короля земли в низовьях Вислы, тем самым отрезав соседа от балтийской торговли. Протесты польского духовенства тевтонцами игнорировались на основании буллы Иннокентия III, согласно которой орден подчинялся лишь Папе Римскому, а в вооруженном противостоянии с орденом у панов не было шансов: шляхетское войско представляло собой конгломерат феодальных отрядов и ополчений, которые нередко прибывали на поле боя порознь или даже не прибывали вообще. Для централизованной и единообразной военной машины тевтонцев это воинство стало бы слабым противником. Дипломатически же примириться с орденом в ту эпоху не было возможности, ведь средневековая дипломатия делала акцент на династических браках, а великие магистры по определению не могли жениться и иметь детей. И орден пользовался своими юридическими и военными преимуществами в течение всего XIV в., став господствующей политической силой в южной Прибалтике.

Финал истории оказался скорым и предсказуемым: в 1385 г. великий князь литовский Ягайло перешёл в католицизм и женился на польской королеве, а в 1387 г. католицизм был объявлен государственной религией литовского государства. Это, разумеется, был в первую очередь политический шаг, но очень символичный.

Ведь литовцы приняли католицизм от поляков, которые не занимались систематической миссионерской деятельностью, а вовсе не от тевтонцев, считавших воинствующий католицизм своей доктриной (Сулимов, Черниговских, Черных, 2022). То есть Кревская уния 1385 г., превратившая литовского князя в польского короля при условии крещения Литвы, на самом деле была международным пактом, направленным против Тевтонского ордена. Язычники согласились стать католиками, а католики – выдать свою королеву замуж за вчерашнего идолопоклонника, чтобы совместно противостоять непонятной и чуждой силе ордена. А после заключения этого союза оказалось, что объединенных сил литовцев и поляков вполне достаточно для того, чтобы бросить рыцарям вызов в открытом бою. В 1410 г. тевтонцы были разбиты польско-литовским войском в битве при Грюнвальде. Затем на протяжении XV в. польско-литовский союз неуклонно теснил их, отбирая замки и округа. Не дожидаясь, пока соседи захватят всю его территорию, великий магистр Альбрехт Гогенцоллерн в 1525 г. перешёл в протестантизм и объявил себя светским государем Пруссии и Бранденбурга. С этого момента на месте военно-теократического государства возникла обычная для той эпохи династическая монархия, с которой Польско-Литовское королевство заключило договор о вассалитете. Эстонский же «осколок» тевтонцев, известный как Ливонский орден, был уничтожен русскими войсками в ходе одноимённой войны: потерпев множество поражений и потеряв свои основные крепости, великий магистр Готхард Кетлер в 1561 г. признал себя вассалом польского короля и объявил о секуляризации земель ордена. Получилось, что в XVI в. на месте единого прежде теократического государства с небольшой разницей во времени возникли светские герцогства Пруссия и Курляндия. Наиболее верные традициям братья, не пожелавшие расставаться со своим монашеским статусом, были вынуждены перебраться в Австрийскую империю, где они продолжили заниматься военной и благотворительной деятельностью, но в очень скромных масштабах. Существует Тевтонский орден и в наши дни, но исключительно как медицинская организация.

Заключение

Подведём итоги работы. Нашей целью было обнаружить алгоритм функционирования общественного организма в том случае, когда в его жизни доминирует духовная сфера. Созданный Тевтонским орденом Ordensstaat послужил примером государства монахов, то есть изначально организованного людьми, превыше всего ставящими религиозные ценности. В случае христианского монашества такими ориентирами являются уход от мира и покаяние. Что же получилось на практике?

Прежде всего следует отметить, что Тевтонский орден возник не одновременно с монашеством. Если первые иноки были одинокими отшельниками и даже далеко не сразу стали объединяться в общежительные обители, то тевтонское братство появилось почти тысячу лет спустя после тех событий. К этому времени общежительное монашество уже столкнулось с необходимостью находиться в обществе, а значит, участвовать в экономических, социальных и политических отношениях, принятых в данном социуме. Над западным монашеством ещё в раннее Средневековье нависла угроза секуляризации нравов, а значит, и утраты смысла своего существования. Решительной попыткой пресечь этот процесс стала Клюнийская реформа, которая освободила монашеские ордена от подчинения местным церковным иерархам, а значит, и от необходимости учитывать социально-политическую специфику средневековых королевств. Насколько успешным стал результат, можно судить по современным католическим орденам бенедиктинцев, цистерцианцев и францисканцев, но ни одна из этих корпораций не пыталась обрести собственное политическое воплощение, то есть Ordensstaat. Это оказалось под силу лишь тевтонцам, возникшим гораздо позднее и при иных обстоятельствах, нежели братства Святого Бенедикта или Святого Бернарда.

Принципиальным отличием Тевтонского ордена стал военный фактор. Ведь изначально ордена в Святой земле времён крестовых походов были исключительно монашескими, и выяснилось, что в специфических местных условиях они не могут выполнять свою функцию. Если для египетских анахоретов принципиально важным было уединение, то для средневековых бенедиктинцев – социальное служение, которое в Леванте XII в. не могло обойтись без вооруженной защиты. Именно поэтому возникли военно-монашеские братства тамплиеров и госпитальеров, члены которых, невзирая на монастырский антураж, всё-таки были в первую очередь воинами. Тевтонцы же – это немецкие госпитальеры, которым повезло сменить Палестину на Прибалтику. Именно в этих краях любая духовная корпорация должна была бы заниматься политической деятельностью. А поскольку костяк и элиту Тевтонского ордена составляли аристократы, а не монахи, то решать политические вопросы у них получалось очень хорошо. Монастырская организация оказалась полезным подспорьем для устроения вооруженных формирований, что позволило ордену говорить со своими христианскими и языческими соседями с позиции силы. И, возможно, по этой самой причине ни о какой тевтонской духовности и речи быть не может. Абсурдно предполагать, что Ordensstaat существовал ради духовных целей, если его великий магистр без колебаний перешёл в протестантизм под влиянием политических факторов. То есть Тевтонский орден в реальности был именно политической организацией, военно-монашеским братством с чётким доминированием военного аспекта. Об этом косвенно свидетельствует безразличное отношение тевтонцев к миссионерской деятельности.

Может ли быть, что данное духовно-рыцарское братство было изначально основано каким-нибудь мошенником, мечтавшим о собственной империи? Вряд ли. Процесс перехода от духовной доминанты к политической стал неизбежным с того момента, как возник первый духовно-рыцарский орден. Ведь само разрешение

Папы Римского на создание такой оригинальной псевдомонашеской организации означало признание факта, что монашескими методами в Святой земле действовать не получится. Просто тевтонцы прошли до конца тот путь, который одинаково начали все духовно-рыцарские ордена в XI в.

Резюмируя наше исследование, следует отметить, что если в обществе изначально доминирует духовная сфера, то со временем доминанта обязательно изменится на политическую. Ведь духовные идеалы требуют реализации, а это нередко можно сделать лишь политическими методами. Единожды войдя в политику в качестве субъекта, такое общество быстро принимает существующие в этой сфере правила и по факту отказывается от прежних идеалов и ориентиров, хотя это может и не декларироваться официально.

В данном исследовании не был рассмотрен вопрос о том, как мог бы выглядеть нехристианский Ordensstaat, в основе которого лежала бы какая-нибудь другая религия. Но это тема для последующих работ.

Источники | References

1. Антоний Великий, преп. Иоанн Златоуст о египетских подвижниках // Антоний Великий, преп. Поучения. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019.
2. Беляев И. Д. История Полоцка и Северо-Западной Руси. М.: Вече, 2017.
3. Богдан А. Тевтонские рыцари. СПб.: Евразия, 2008.
4. Брянцев П. Д. Литовское государство. От возникновения в XIII веке до союза с Польшей и образования Речи Посполитой и краха под напором России в XIX веке. М.: Центрполиграф, 2018.
5. Демурже А. Рыцари Христа. Военно-монашеские ордены в Средние века. СПб.: Евразия, 2008.
6. Диллон М., Чедвик Н. К. История кельтских королевств. М.: Вече, 2006.
7. Карсавин Л. П. Монашество в Средние века. М.: Ломоносов, 2013.
8. Сулимов С. И., Черниговских И. В., Черных В. Д. Варварство и цивилизация: специфика межкультурного взаимодействия: монография. Воронеж: Научная книга, 2022.
9. Флоренский П. А. Философия культа (Опыт православной теодицеи). М.: Мысль, 2004.
10. Честертон Г. К. Вечный человек. М.: Политиздат, 1991.

Информация об авторах | Author information

RU

Сулимов Станислав Игоревич[1], д. филос. н., доц.
Черниговских Игорь Васильевич[2], к. филос. н., доц.
[1] Воронежский государственный университет
[2] Воронежский государственный университет инженерных технологий

EN

Stanislav Igorevich Sulimov[1], Dr
Igor Vasil'evich Chernigovskikh[2], PhD
[1] Voronezh State University
[2] Voronezh State University of Engineering Technologies

[1] *sta-sulimov@ya.ru,* [2] *igrchernigovskix@rambler.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.02.2025; опубликовано online (published online): 12.03.2025.

Ключевые слова (keywords): христианство; католические монашеские общины; секуляризация монашеских орденов; Ordenstaat; Тевтонский орден; Christianity; Catholic monastic communities; secularization of monastic orders; Teutonic Order.